

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Гр. Л. Н. Толстой в Москве

«Кабинет графа представлял собой уютное и до некоторой степени поэтическое гнездышко, всецело располагавшее к творческой деятельности. Два больших окна проливали обильный свет на письменный стол, обрамленный красивой деревянной решеткой...»

**Николай Васильевич
Успенский
Гр. Л. Н. Толстой в Москве**

Кабинет графа представлял собой уютное и до некоторой степени поэтическое гнездышко, всецело располагавшее к творческой деятельности. Два больших окна проливали обильный свет на письменный стол, обрамленный красивой деревянной решеткой; другие два окна смотрели в обширный сад, в глубине которого виднелась горка, имевшая неоспоримое право считаться излюбленным местопребыванием оленей и газелей. Мебель в кабинете маститого беллетриста была в полном смысле барская.

– Вы, я слышал, были сельским учителем? – спросил меня Лев Николаевич.

– К счастью, имел возможность ознакомиться с этой профессией благодаря содействию вашего брата Сергея Николаевича.

– И что же?..

– Грешный человек, уклонился от этого рода подвижничества...

– Жаль! Очень жаль! Вы бы много пользы могли принести народу...

– Поверьте, Лев Николаевич, требовались сверхъестественные, нечеловеческие усилия, чтобы продержаться на этом тернистом пути

хоть два или три месяца. Представьте себе грязное, лишенное воздуха помещение, битком набитое юными слушателями; затем буквально искалеченный шкаф, наполненный какими-то рваными книжками, которые были так между собой перетасованы, что в таблице умножения, например, я находил картину жертвоприношения Авраама, воздевающего непомерной величины нож над вытянутой шеей Авеля; вашего замерзающего у часовни странника встречал, как бы в качестве некоей иллюстрации, среди описания дикарей папуасов и т. п.

– Отчего бы вам не постараться привести школу в порядок?

– Видите, в чем дело, Лев Николаевич: порученное мне училище играло роль церковной сторожки, куда в антрактах между утренней и обедней стекались прихожане, которые, пользуясь отсутствием замка у шкафа и беспомощно висевшими, как крылья у подстреленной птицы, аляповатыми дверцами, без всякого зазрения совести рвали учебные пособия, делали из них так называемые «носогрейки» и таким образом в самом корне

подрывали дело народного образования...

– Ну, вы бы купили на свой счет замок и петли для дверцев! – возразил граф.

– Не на что было купить и этой безделицы, потому что во время моего служения в должности сельского учителя вопрос о моем жаловании служил яблоком раздора между училищным советом и волостным правлением, во главе которого был старшина – закадычный друг нашего училищного сторожа. А последний служил совершенным камнем преткновения для моей педагогической деятельности. Представьте себе лежащего на печи вечно пьяного отставного солдата, который во время моих лекций преподавал моим ученикам со своей патриархальной трибуны такого рода сентенции: «Вы слышите, ребята, что вам учитель-то говорит?.. „Чти отца твоего и мать твою...“ А ноньче разве почитают дети своих родителей?.. Ни в жисть!.. Теперь какое время настало? Брат на брата, а сын на отца... Вот и разбирай, кого хочешь...».

Толстой весело смеялся.

– Скажите, пожалуйста, – возразил он, – отчего вы не пишете рассказы для народа?

Помните ваших поссорившихся мужиков?.. Вот хоть бы в таком роде вы нам дали что-нибудь...

– Мне хотелось, Лев Николаевич, написать для народа что-нибудь из естественных наук...

– Э-э! Вздор! И не думайте!.. Всякая популяризация – мерзость...

– Но вы сами хорошо знаете, что наши мужички не имеют даже понятия о кислороде...

– Поверьте, имеют! – сделав не допускающий противоречия жест рукой, воскликнул граф... – Имеют!..

– Но отчего же, по уверению статистиков, крестьянские дети умирают в ужасающем количестве?..

– Пускай их мрут! – совершенно неожиданно для меня высказался Лев Николаевич и не замедлил пояснить свою мысль, – вместо завядшей травки вырастет другая...

Я стал в тупик и не знал, что отвечать... Авторитет, которым пользуется Лев Николаевич до сих дней как психолог и философ, совершенно сковал мне уста...

– Я слышал, – переменял разговор граф, –

ВЫ БЫЛИ ЖЕНАТЫ?

– Увы!..

– Почему же так?

– Отвечу словами Соломона: *vanitas vanitatum*[1]...

– Что за вздор? Стало быть, не было взаимности?..

– Напротив, этого добра было чересчур много... Вот поэтому-то я больше не признаю так называемого *личного* счастья, которое вы проповедуете в своем романе «Анна Каренина».

– Я в нем ничего не проповедую... я только констатирую факты...

– Неправда! – сказал я, поднимаясь с барских кресел и приготавливаясь произнести грозную филиппику нашему незабвенному беллетристу, который в свою очередь встал с мягкого дивана...

– Что же я проповедую в своем романе? – сказал граф.

– Истину, которую давным-давно пропагандировал блаженной памяти поп Сильвестр, – отвечал я.

– А именно?

– «Жена да боится своего мужа»...

– Да разве это худо?

– Напротив, очень похвально, только, к сожалению, не ново... Сильвестр рекомендовал для семейного счастья «плетку», а вы сочинили целый роман, который лучше всякой плетки может скрепить узы Гименея... Вам, как изобретателю этой творческой плетки, лучше знать, в чем тут вся суть заключается... В вашем романе все супруги-мужья, сколько их в наличности ни оказывается, невинные, как агнцы, и ни один из них, влекомый угрызениями совести, не решается броситься под паровоз... Но... Анна Каренина неминуемо должна была экспонировать своей белоснежной шейкой на рельсах... Как ни упрашивали почитатели вашего таланта не производить с Карениной такую зверскую расправу, вы все-таки с ловкостью мясника свое дело сделали...

Граф побледнел. Я продолжал:

– Безобразнее всего то, Лев Николаевич, что вы после этого рокового поезда, под которым погибла ваша «любящая» героиня, нисколько не постеснились разделять учение нашего Небесного Страстотерпца, который одним

своим словом спас блудницу от избиения ее камнями...

– Давно вы не были в Питере? – спросил меня граф после минутного молчания.

– Не далее как прошлую зиму.

– И в литературных кружках там резонерствуют обо мне в таком же роде?

– Все, исключая газету «Новое время». Вас просто-напросто величают пигмеем, сидящим на исполинском коне, с которым вы никак не можете справиться. Правда, ваш творческий талант все признают, но... вот подите!., ваш ум сравнивают с пигмеем, который никоим образом не может справиться с присутствующим вам могучим талантом в живых и неподражаемых красках воспроизводить действительность... Но в способности обобщать факты и делать из них философские выводы – все вам отказывают, за исключением, повторяю, газеты «Новое время», которая почему-то вам очень симпатизирует... и делает глазки...

Примечания

суета сует (лат.)

[^^^]